

УДК 82-821.0

Р.М. Мейрамгалиева,

к. ф. н. доцент Казахского национального университета
имени аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан,
e-mail: mrm.raigul@mail.ru

Преемственность традиции Ф.М. Достоевского Алексеем Максимовичем Горьким

В статье рассматриваются актуальные проблемы классической русской литературы – проблема преемственности традиции великого писателя XIX века Федора Михайловича Достоевского в творчестве основоположника социалистического реализма XX века Алексея Максимовича Горького.

В статье подчеркивается мысль о том, что в истории русской литературы XX века проблема традиций в силу исторических причин носит не только теоретический характер, но и наделена глубоким идеологическим характером. Творчество А.М. Горького в конкретный период его творчества тесно связано с творчеством Ф.М. Достоевского и обусловлено тем, что именно роман «Преступление и наказание» содержит комплекс идей, которые дали мощный толчок к развитию мотива преступления и наказания не только лично для А.М. Горького, но для русской прозы XX века.

В данной статье большое внимание уделяется проблеме полемики Горького с философскими, религиозными, нравственными воззрениями Достоевского.

Спор А.М. Горького с Ф.М. Достоевским принадлежит к выдающимся явлениям в истории не только русской, но и мировой общественной мысли в эпоху, когда вопрос о решающем переломе в судьбах человечества переходил в область реальных свершений. Спор Горького с Достоевским, если выразить его в двух словах, есть спор о Человеке, о революции и человеке.

Автор статьи выделяет три пути исследования творческих взаимосвязей Горького и Достоевского: безоговорочное противопоставление писателей, сопоставление их творчества по методу «абстрактных аналогий», четкое разведение писателей в сфере идеологии и исследование сходства поэтики.

Ключевые слова: традиции, образ, преемственность, полемика, антипод, атмосфера, идеология, парадигма.

R.M. Meiramgaliyeva

Continuity of the tradition of Maxim Gorky by Dostoevsky

This article is dedicated to the current problems of classical Russian literature – the problem of continuity of the tradition of the great writer of nineteenth-century – Fyodor Dostoyevsky by the founder of socialist realism of the twentieth century – Maxim Gorky.

The article stresses the idea that in the history of Russian literature of the twentieth century the problem of tradition for historical reasons is not only theoretical, but also endowed with a deep ideological character. The creativity of Gorky, in a particular period of his work, is closely connected with the creativity of Dostoevsky, and it is conditioned by the fact that the novel «Crime and Punishment» contains a set of ideas that gave a powerful impetus to the development of the motive of crime and punishment not only to personally Gorky, but to the Russian prose of the twentieth century.

The article pays much attention to the problem on how Gorky argued with the philosophical, religious and moral views of Dostoevsky.

The dispute between Gorky and Dostoevsky belongs to outstanding events in the history of not only Russian, but also the world public opinion at the time when the issue of the decisive turning point in the destiny of mankind passed to real achievements. The dispute between Gorky and Dostoevsky, to express it in just a few words, is about a dispute about Man, about the revolution and the man.

The author of the article identifies three ways to study creative relationships of Gorky and Dostoevsky: unconditioned opposition of writers, comparison of their works with the method of «abstract analogy», a clear identification of writers in the field of ideology and study similarities of poetics.

Key words: traditions, image, continuity, controversy, antipode, atmosphere, ideology, paradigm.

Р.М. Мейрамғалиева
**Ф.М. Достоевскийдің шығармашылық дәстүрлерін
А. М. Горькиймен қабылдау жолдары**

Бұл мақалада XIX ғасырдағы Ф.М. Достоевскийдің дәстүрлі шығармашылығында кейбір жанашылықтарды XX ғасырдың социалистік реализмнің өкілі А. М. Горький орыс әдебиетін дамуына енгізді.

Мақалада XX ғасырдың орыс әдебиетін тарихында дәстүр және оның жалғастыруы теориялық мәселемен қатар идеологиялық мәселе болғаның дәлелденеді.

Мақалада А. М. Горькийдің шығармашылығына Ф.М. Достоевскийдің «Қылмыс пен жаза» романы көп идеялар тудырғаны туралы, жалпы XX ғасырдың орыс әдебиетін дамуына Ф.М. Достоевскийдің әсер еткен жолдары зерттеледі. Атап айтсақ, А. М. Горький Ф.М. Достоевскиймен дің, философия және басқа моральдік мәселелері туралы пікірлескені анықталады.

Бұл мақаланың авторлары екі атақты жазушылардың пікірталасында 3 шығармашылық іздеу жолдарын сипаттайды: біріншіден – шығармашылықтарын «қылмыс пен жаза» проблемасын зерттеу жағынан салыстыруы, екіншіден – шығармашылықтарды салыстыруы сол кезеңде «дерексіз аналогия» атты жаңа әдісімен, үшіншіден – бір-бірінен айырмашылығы және олардың поэтикаларының ұқсастығы.

Түйін сөздер: дәстүрлер, бейне, қабылдауы, пікірталас, антипод, идеология, парадигма.

Горький Алексей Максимович – писатель большой литературы, о котором написано много, но еще более ненаписанного...

Когда думается о сложной полифонической фигуре и творчестве замечательного русского писателя Алексея Максимовича Горького, невольно представляется его богатырский облик и вечно молодой голос литератора, проложившего зримые мосты от русской классической к литературе советской.

Горькому А.М., сменившему Льва Николаевича Толстого на посту вождя русской литературы, было 42 года.

С.Н. Сергеев-Ценский писал, что «как ни был широк круг наблюдений Толстого, но в этот круг не вошли ни рабочие, ни купцы, ни духовенство, ни губернские и уездные интеллигенты. Изобразить купцов толстой передоверил драматургу Островскому, духовенство – Лескову, интеллигенцию – Чехову, пролетариат – Горькому.

С появлением Горького всё было совершенно неожиданно ново в его явлении.

Все поняли, что перед нами новый очень большой художник, но он мало того, что был самоучка, мастеровой малярного цеха, – он был ещё и ниспровергатель основ: он воспел одесского портового вора Челкаша, поставив его выше хозяйственного мужичка Гаврилы; он ввел в литературу босяка, как протестанта против всех закоснелых и ожиревших в неподвижном мещанском болоте, устами своего Луки из пьесы «На дне» он сказал: «Я и жуликов уважаю... ни одна блоха не плоха, – все черненькие, все прыгают».

В истории русской литературы XX века проблема традиций в силу исторических причин носит не только теоретический характер, но и наделена глубоким идеологическим характером. Творчество А.М. Горького в конкретный период его творчества тесно связано с творчеством Ф.М. Достоевского и обусловлено тем, что именно роман «Преступление и наказание» содержит комплекс идей, которые дали мощный толчок к развитию мотива преступления и наказания не только лично А.М. Горькому, но и русской прозе XX века.

Традиции Ф.М. Достоевского особенно актуализируются в начале XX века, в переломный момент эпохи. Алексея Максимовича Горького всегда интересовало творчество Федора Михайловича Достоевского как идеологического оппонента и как властителя дум русской интеллигенции конца XIX века. В своих произведениях, таких как роман «Трое» и повесть «Городок Окуров». Горький полемизирует с философскими, религиозными, нравственными воззрениями Достоевского.

Спор Горького с Достоевским принадлежит к выдающимся явлениям в истории не только русской, но и мировой общественной мысли в эпоху, когда вопрос о решающем переломе в судьбах человечества переходил в область реальных свершений. Спор Горького с Достоевским, если выразить его в двух словах, есть спор о Человеке, о революции и человеке.

Впервые тема «Горького с Достоевским» была поставлена в 1898 году в статье Н.К. Михай-

ловского «Ещё о М. Горьком и его героях» и с тех пор не уходила с поля зрения горьковедов.

Н.К. Михайловский представляет Горького и Достоевского абсолютными антиподами. Основания для этого следующие: Достоевский искал спасения в христианской морали – Горький «развенчивал её (например, в рассказе «Дед Архип и Ленка»). Достоевский провозглашал благотворность страдания для человека – Горький отрицает её (например, в рассказе «На плотях», в публицистике). Достоевский не верил в возможности человека, сомневался в благотворности свободы для него – Горький утверждал обратное и раскрывал социальные истоки такого неверия, проявившегося в творчестве его великого предшественника [1, 43].

Романы «Трое», «Фома Гордеев» рассматриваются Михайловским как прямая и намеренная творческая полемика Горького с Достоевским. Религиозно-философской системе Достоевского Горький противопоставляет конкретно-исторический подход к анализу характеров. Философия Достоевского была «реакционной» – в этом автор видит причину того, что Горький постоянно с ней боролся.

Петр Лебедев в статье «Горький и Достоевский» подчеркивает, что «если мы хотим говорить о роли М. Горького в общекультурном процессе, именно Достоевского хочется избрать в качестве объекта для сопоставления» [2, 96].

Творческая полемика Горького с Достоевским представлена в книге «Горький – литературный критик» Б. Бялика как борьба, разоблачение противника. Например, рассказ «Извозчик», роман «Трое» рассматриваются как сознательная полемическая переработка сюжета «Преступления и наказания», направленная против идеи очистительного страдания [3, 127].

Способен ли человек своими силами победить социальное зло и достичь справедливой жизни и, следовательно, к нему можно обратиться ободряющие слова самого Горького «человек – это звучит гордо!», или человек не способен к этому, и ему остается уповать на посторонние и потусторонние силы и, следовательно, к нему следует отнестись совет Достоевского: «Смирись, гордый человек». Способен ли человек одолеть страдания (которыми по выражению Достоевского, пропитана земля «от коры до центра»), на что твердо надеялся Горький, или страдания эти неизбежны и человеку остается эту неизбежность принять как необходимость и даже благо, как в отчаянии утверждал Достоевский? Как ви-

дим, спор далеко не книжный, он шел из недр самой жизни. Это был спор о революции.

Вопросы, волновавшие людей, Достоевский потому-то собрал и поставил с такой напряженной силой, с чувством такой нетерпящей отлагательства срочности, что всё, что назрело в человеческой истории, стало прорываться именно в его стране, именно в момент реального предвидения и предчувствия разрушительной грозы. Подходили сроки, и надо было принимать решения, чреватые громадными последствиями не только судеб России, но и для всего мира. Именно этим, не только худшим, но и лучшим у Достоевского, следует объяснить всё возрастающий интерес к великому русскому писателю во всем мире.

Достоевский, тем настойчивее отрицал революцию, тем острее наблюдал её приметы, чем сильнее ополчался на неё, тем больше чувствовал её вызревание в недрах страны, чем озлобленнее предостерегал Достоевского от неё, тем неизбежнее виделся ему её нарастающий взрыв, перед которым оказались бессильными все заклинания автора «Бесов». «Катастрофичность» как психологическая и философская атмосфера романов Достоевского отнюдь, однако, не была вызвана патологическим складом его личности или недостаточной реалистичностью его художественной кисти. Напротив, его Горький творчество питалось из реального источника, из самого горнила грозного социального вулкана. Сюжет в произведениях Достоевского представляет бурю – в этом одном объективное значение и художественная сила его произведений.

Анализ особенностей поэтики произведений Горького и Достоевского доказывает, что, несмотря на неприятие Горьким Достоевского как личности и как философа, Горький плодотворно развивает некоторые традиции Достоевского-художника. В литературе о Горьком и Достоевском есть целый ряд работ, посвященных вопросам поэтики. В них, кроме проблем жанра и психологизма, рассматривается использование в произведениях двух писателей сходных художественных приемов, некоторых типов образов и т.д.

Из трех путей исследования творческих взаимосвязей Горького и Достоевского: безоговорочное противопоставление писателей, сопоставление их творчества по методу «абстрактных аналогий», четкое разведение писателей в сфере идеологии и исследование сходств поэтики. Доказано, что эти три пути можно назвать так-

же этапами, последовательно сменявшимися друг друга в литературоведении. В 20-60-е годы Достоевский считался идеологически враждебным автором, Горький же был признанным «пролетарским» художником и мыслителем, поэтому при анализе их разногласий обычно Горький всегда «возводился на пьедестал», а Достоевского, наоборот, клеймили за совершенные «ошибки». Теперь же идеологическая парадигма поменялась, Горького считают преемником и продолжателем традиций Достоевского.

В русской традиции вопрос о преступлении неразрывно связан с вопросом о наказании, притом не юридическом, а нравственном. В романе Достоевского «Преступление и наказание» преступника наказывает не общество, не юридическое лицо, а Верховная Воля, перед которой бледнеют даже институты власти. Подлинное наказание – это чувство вины, совесть, истязавшие Раскольникова.

Однако в начале века возникает и другая традиция. Понимать преступление, даже и самое тяжкое – убийство, не как вину, а как беду преступника, тем самым снимая с него всякую ответственность и возлагая вину на окружающий мир в самом широком смысле слова. Вопрос о «несчастном» (говоря словами ницше, «бледном») преступнике ставится в творчестве Горького. Своё художественное воплощение такая постановка вопроса обрела в романе «Трое», где проблема «преступления и наказания» нашла совсем другое решение, нежели в известном романе Достоевского. Роман «Трое» – второе после «Фомы Гордеева» крупное произведение Горького, причем этот роман, написанный под влиянием Достоевского и в то же время в споре с ним.

Сравним двух героев – Раскольникова и Лунева, выбранных Достоевским и Горьким. Достоевский настойчиво отмечает отщепенство Раскольникова, подчеркивает одиночество героя, его оторванность от народной почвы и его книжную заимствованную мудрость.

Горький же, выводя рядового, неотличимого, «серого» человека, взятого из гущи народной массы, демонстрирует самую эту почву, оберегать которую от раскольников призывает Достоевский.

Отказываясь от чрезвычайности в изображении характера, Горький отказывается от чрезвычайности в изображении обстоятельств. «Сверкающий метеор» свидригайловщины рассыпается в горьковском романе на бесчисленное

количество мелких и мельчайших частиц, расплывается в воздухе, которым, не замечая, дышат герои.

Шире и глубже изучая окружающую его жизнь, герой приходит к убеждению, что все люди хотят только сытой жизни и что для достижения её безжалостно пожирают друг друга и получают от этого удовольствие.

Горький настойчиво призывал человека быть человеческим особенно тогда, когда для этого открылась широкая возможность. Однако в вопросе о том, что является определяющим во взаимодействии среды и личности и кто кого в конечном итоге исправляет, Горький отказывается от тех роковых, хотя и соблазнительных иллюзий, которым с таким упорством предавался Достоевский.

Горький, продолжая свою полемику с Достоевским охотно брал ради проверки самой жизнью (которую он знал как никто другой) этот неприемлемый для него взгляд и производил его испытание со всевозможной добросовестностью, словно давая понять, что если паче чаяния тезис «ведь, сделавшись сами лучшими, мы и среду исправим и сделаем лучшею, ведь только этим и можно её исправить», если этот тезис подтвердится и восторжествует на практике, следовательно, возможно будет обойтись без насилия и без революции, он, Горький, первый этому обрадуется и признает правоту своего противника.

Следует обратить внимание на то, что весь путь Лунева до и после преступления, с чрезвычайной тщательностью и объективностью прослеженный Горьким, опровергает тезис Достоевского. Лунев упорно стремится быть лучшим в надежде, что если он станет лучшим, – а он и в самом деле, по возможности, становится лучшим, то и среда станет лучшим.

Горький в романе «Трое» поставил главного героя в ситуации сходные с теми, в которых оказывались герои Достоевского, задал те же вопросы, которые волновали Достоевского, – о смысле и цели человеческой жизни, и дал свои ответы на них. Горьковское обоснование системы взглядов Лунева на жизнь как бы полемически заострено против философской теории Раскольникова – героя «Преступления и наказания» Достоевского. Горький ведет своего героя не к признанию, а к отрицанию идеи Божественного промысла, более того – к отрицанию Бога. Горький утверждает возможность и право человека понять законы, по которым развивается челове-

ческая жизнь, найти основанный на разуме, а не на религии выход из её социальных тупиков.

Если истину жизни человека Достоевский видел в отказе от социальной борьбы и звал к смирению, к принятию страдания, то Горький доказывал необходимость социальной активности человека в борьбе за социальное и духовное самоопределение. Раскольников и Грачёв, Соня Мармеладова и Софья Медведева несли в мир противоположные нравственные идеи. Герои Достоевского – смирение и покаяние, герои Горького – социальную и нравственную активность. Тоскливому примирению с жизнью Якова, анархической беспочвенности бунта Лунева Горький противопоставляет социальную позицию Павла.

Таким образом, о полемике Горького с Достоевским, борьбе с «достоевщиной», много писалось и в дореволюционной, и в советской, и в наши дни критике. Но, как правило, критики шли по поверхностному слою проблемы. А суть заключалась в том, что Достоевский всегда зримо или незримо присутствовал в творческом сознании Горького – с 90-х годов вплоть до «Жизни Клим Самгина». Достоевский, этот, по словам Горького, «злой гений литературы нашей» – как художник всегда оказывал на Горького огромное влияние, несмотря на различие их общественных и нравственных взглядов. И чем сильнее было притяжение, тем сильнее Горький пытался противиться этике и религии Достоевского.

Литература

- 1 Михайловский Н.К. Творчество М. Горького и мировая литература. – М., 1965. – С. 43.
- 2 Лебедев П. Горький и Достоевский. – М., 1987. – С. 96.
- 3 Бялик Б. Горький – литературный критик. – М., 1960. – С. 127.

References

- 1 Mihaylovskiy N.K. Tvorchestvo M. Gor'kogo i mirovaya literatura. – M., 1965. – С. 43.
- 2 Lebedev P. Gor'kiy i Dostoevskiy. – M., 1987. – С. 96.
- 3 Byalik B. Gor'kiy – literaturnyj kritik. – M., 1960. – С. 127.